

Николай Добролюбов

О русском историческом романе

Николай Александрович Добролюбов

О русском историческом романе

«...В конце прошедшего столетия Карамзин, говоря о русской литературе, заметил, что публика наша всего охотнее читает романы и повести. Спустя 30 лет Пушкин с удивлением говорил, что публика «все еще сидит за романами и повестями: понравились!» Прошло 20 лет после Пушкина, – и до сих пор в нашем обществе замечается то же явление. Беллетристика поглощает собою всю остальную литературу; журналы, в которых сосредоточивается теперь наша литература, считают главным своим отделом изящную словесность; книжка журнала без повести или романа – в наше время так же невозможна, как, бывало, составление альманаха без стихотворений. <...> Не заключается ли причина этого явления в самой сущности романа и в отношении его к современному положению общества?...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0027

**Николай Александрович
Добролюбов
<О русском историческом
романе>**

В конце прошедшего столетия Карамзин, говоря о русской литературе, заметил, что *публика наша всего охотнее читает романы и повести*. Спустя 30 лет Пушкин с удивлением говорил, что публика «все еще сидит за романами и повестями: понравились!» Прошло 20 лет после Пушкина, – и до сих пор в нашем обществе замечается то же явление. Беллетристика поглощает собою всю остальную литературу; журналы, в которых сосредоточивается теперь наша литература, считают главным своим отделом изящную словесность; книжка журнала без повести или романа – в наше время так же невозможна, как, бывало, составление альманаха без стихотворений. Какие у нас писатели пользуются наибольшей известностью? Романисты. Какие произведения всего более переводятся с иностранных языков? Романы. Какие книги переходят из рук в руки, читаются и перечитываются? Опять – романы и повести... Но будем ли мы удивляться этому? будем ли обвинять наше общество за такое настроение? *Не есть ли это необходимое условие той степени развития, на которой стоит народ?* Не заключает-

ся ли причина этого явления в самой сущности романа и в отношении его к современному положению общества?

В самом деле, всегда и у всех народов литература являлась отпечатком народной жизни, выражением общественных потребностей. *В первый, младенческий* период своей жизни человечество, как и каждый частный народ и каждый отдельный человек, все предано обаянию окружающей его внешней природы. С детским любопытством смотрит тогда человек на раскрывающийся пред ним божий мир; все его поражает, все удивляет, во всем представляется что-то дивное, таинственное, в благоговении и умилении повергается он пред непонятными для него красками и величием мироздания и населяет весь мир живыми образами, порождением своего духа, стремящегося выразить себя в творческой деятельности. И вот звучный *дифирамб, благоговейная молитва, восторженный гимн божеству* исходит из младенческих уст, представляя себе все чудесным и таинственным, связывая все явления природы с высшими неведомыми силами; человек любит в это

время слушать фантастические рассказы, вносящие элемент чудесного во все, им видимое, одушевляющие для него всю природу, возводящие все частные явления к невидимому, но вечно живому и неизменному началу – божества. И вот является дивная народная *эпопея*, совмещающая в себе все религиозные верования, философские воззрения, нравственные правила народа. Весь мир олицетворен: каждая река, каждый лес, каждый пригорок – являются вместилищем высших сил, и самые боги являются между людьми, принимают участие в их действиях, помогают им, противятся, смешиваются с ними, иногда сами поражаются их героями, полубогами, и над всем этим тяжело властвует непостижимая, неотразимая, грозная сила судьбы... Здесь видим мы всю жизнь, все стремления и верования *древнего* человечества; здесь ясно отразилось это чистое, младенческое мирозерцание первого периода человеческой жизни.

В постепенном ходе развития является юношеский возраст. Много уже видел, много узнал пылкий юноша; кипит в нем молодая

кровь, рвутся наружу свежие силы. Обнять гордой мыслью все мироздание, направить могучую руку на славные подвиги, стать одному против целого мира, разрушить все препятствия и отыскать свое счастье в наслаждениях высокой славы и верной любви – вот возвышенные стремления юношеского возраста. И в это время поет человек великие подвиги, уже не сказочные, но все еще принадлежащие более миру фантазии, нежели действительности; в это время являются песни славы и любви; трубадуры и менестрели украшают рыцарские пиры, барды и баяны сопровождают героев в их походах. Странные утопии строит неопытный юноша, отыскивая свое счастье, воображая золотой век и патриархальные, невинные нравы, – и вот является идиллия со всеми своими видоизменениями и очаровывает молодые чувства картинами воображаемой чистоты и невинности...

Но проходит пыл юношеских лет; настает возраст возмужалости, возраст – обдуманности, зрелого рассуждения, опыта и смирения бурных порывов воображения и чувства. Теперь уже не строит человек мечтательных

планов, не рвется на невозможные подвиги, не стремится охватить собою весь мир. Нет, осторожно и зорко осматривается он вокруг себя, долго думает над своим решением; хочет идти вперед, – но не скачками, а твердой, медленной поступью, мало-помалу; стремится к знанию, но избирает для себя предметы более к нему близкие, имеющие прямое отношение к его жизни. И вот на этой-то степени человеческого развития и является *роман* как изображение жизни народа. Это не сказка, назначенная для увеселения малюток; не поэма, выражающая детское мирозерцание и наивные верования народа, не легенда, не романс, воспевающий дивные подвиги рыцаря и соединение его с дамою его сердца, хотя элементы всех этих произведений могут и даже отчасти должны быть и в романе. Нет, это – жизнь, это действительность, подмеченная наблюдательным глазом, брошенная на полотно искусною рукою и вставленная в более или менее широкую рамку. Это – история быта и частных отношений народа или общества, прожившего свои юношеские годы, испытавшего жизненные разочарования, обра-

щающегося к мирной думе семейной и довольствующегося воспоминанием своих прежних мечтаний... Оттого-то роман и имеет в виду почти всегда семейные отношения, и если изображает очарования детства и волнения юности, то только для того, чтобы привести их к желанной развязке – водворению семейного счастья. Оттого-то и развился роман преимущественно под влиянием христианства, сообщившего нам столь высокий и светлый взгляд на взаимные отношения женщины и мужчины.

Таково происхождение и значение романа. Он составляет переход от мира идеального к действительному, от поэзии к истории. Это – полная картина жизни в ее деятельном развитии, строго подчиненная всем вещественным условиям истины и вместе – свободная в выборе занимательнейших точек зрения. В романе видим мы человека таким, каков он есть, со всеми условиями необходимости действительного мира и со всеми прелестями мира фантазии. И в том-то и состоит искусство романиста, чтобы овладеть нашим воображением, привязать его к изображаемым со-

бытиям и личностям, внушить нам полное участие к представляемым им характерам, заставить нас поставить себя мысленно на их место, увлекаться их стремлениями, думать их умом, чувствовать их сердцем. Чем полнее это очарование, чем совершеннее наше увлечение, тем лучше автор достиг своей цели, тем более внимания и похвалы заслуживает его произведение.

Ясно, что для достижения этого нужно соблюдение некоторых особенных условий. Нужно, чтобы роман имел в основании своем какую-нибудь идею, из которой бы развилось все его действие и к осуществлению которой оно все должно быть направлено; нужно, чтобы это развитие действия совершенно свободно и естественно вытекало из одной главной идеи, не раздвояя интереса романа представлением нескольких разнородных пружин; нужно, чтобы в описании всех предметов и событий романа автор художественно воспроизводил действительность, не рабски копируя ее, но и не позволяя себе отдаляться от живой истины; нужно, наконец, чтобы романтические характеры не только были верны

действительности, но – верны самим себе, чтобы они постоянно являлись с своими характеристическими чертами, отличающими одно лицо от другого, словом – чтобы с начала до конца они были бы выдержаны.

Вот что нужно для полного успеха всякого романа. С поэтическим воображением автор его должен соединять философское мышление и психологическую наблюдательность. Не говорим уже о достоинствах изложения, которое должно быть не только правильно, легко, но и изящно.

Но еще более важные и трудные условия необходимы для хорошего романа *исторического*. По самому существу своему этот вид романа представляет высшую степень, нежели другие его виды. Исторический роман является в то время, когда народное сознание обращается к воспоминанию прошедшей своей жизни, – под влиянием того же направления, при котором развиваются и сами исторические исследования. Цель этого рода романа – оживить мертвую букву летописного сказания, вдохнуть живую душу в мертвый скелет подобранных фактов, осветить лучом поэти-

ческого разумения исторически темную эпоху, представить частную внутреннюю жизнь общества, о котором история рассказывает нам только внешние события и отношения. Отсюда уже ясно, какие новые важные условия налагает роман *исторический* на своего автора. Здесь материал не находится в его полном распоряжении, он не может по произволу изобретать и вводить сюда все, что может служить для лучшего выражения и представления взятой им идеи. Здесь условия истинности не ограничиваются простыми законами вероятности: автор должен быть верен не только тому, что может быть или бывает, но тому, что действительно было, и было таким, а не другим образом. С другой стороны, он не должен рассказывать нам, что нашел в исторических сказаниях, иначе это будет не роман, не произведение поэзии, а прозаическая история. Соединить эти два требования – внести в историю свой вымысел, но вымысл этот основать на истории, вывести его из самого естественного хода событий, неразрывно связать его со всей нитью исторического рассказа и все это представить так, чтобы чи-

татель видел пред собою, как живые личности, знакомые ему в истории и изображенные здесь в очаровании поэзии, – со стороны их частного быта и внутренних сокровенных дум и стремлений, – вот задача исторического романиста. При этом нужно еще, чтобы эпоха, из которой взят роман, представлена была совершенно верно, чтобы угадан был самый дух событий, чтобы автор судил своих героев не по понятиям своего века, а по их времени, чтобы он смотрел их глазами, жил их жизнью, рассуждал сообразно с их умственным развитием и чтобы на ту же точку зрения умел поставить и своих читателей.

Все эти немаловажные трудности сочинения исторического романа увеличиваются еще более в приложении к русской жизни, к русской истории. Здесь романист встречает эпохи, большею частью неразработанные, о которых нет исторических сведений или есть только записи внешних фактов с самыми ничтожными заметками о внутренней жизни народа. Имея летописи, которых ранним появлением, добросовестностью и основательностью в отношении к внешним фактам име-

ем право гордиться пред другими народами, мы, однако же, не имеем ничего, что бы объяснило нам самый внутренний смысл всех явлений нашей истории, осветило бы все наши недоумения касательно их связи, причин и характера[1]. Недавно только ученые принялись за исследование этих вопросов, и для решения их они должны часто схватывать отдельную мысль, нечаянно брошенное слово, основываться на каком-нибудь сходстве названий, следить дух всего сказания, делать выводы из того, что так бесстрастно и бессистемно записал летописец, отдаленный от всех волнений мира и не поражающийся ничем в тиши своего монастырского уединения. Конечно, при этих условиях трудно ожидать полного успеха, и много исторических знаний и умения нужно иметь автору, чтобы представить в своем произведении не бледный очерк, но полную картину древней Руси.

Другое обстоятельство, представляющее также немаловажные трудности для русского исторического романа, есть то, что русская жизнь развивалась под влиянием слишком разнородных элементов и, усвоивая себе

нечто из каждого, представляет нам какую-то смесь, в которой очень трудно отделить собственные национальные черты от чужих, заимствованных, и эти последние трудно разграничить между собою. Не много сведений представляет нам история о родоначальниках наших славянах, но и из простого рассказа Нестора видим мы разнообразие нравов и обычаев у разных племен одного рода – славянского. Дикие, бесстыдные древляне, кроткие поляне, музыкальные обитатели стран прибалтийских, своевольные необузданные жители прибрежий Дуная – все они оставили, конечно, следы в дальнейшей истории и жизни народа русского. Просвещенные племена германцев и итальянцев, а с другой стороны, свирепые печенег и половцы также, наверное, не остались без влияния на древнюю Русь. Отважные, удалые норманны, которых стихиями были война, грабеж, презрение к опасности, меч и пламя, – внесли новый элемент в наше отечество, и элемент этот тем сильнее должен был подействовать, что норманны стали у нас во главе государственного управления и пред ними должно было пасть

родовое начало, господствовавшее до тех пор у славян. История первых князей варяжского племени действительно показывает, как быстро и сильно норманская стихия возобладала над жизнью славянской. И, вероятно, она еще глубже вкоренилась бы в нашем народе, если бы не явилось противодействия ей со стороны другого влияния – греко-христианского. Византия передала нам, при Владимире, святую веру, проникшую собою все стихии народной жизни и возвысившуюся над ними своею божественною силою. Вместе с тем Греция действовала на нас со стороны своих нравов и государственного устройства. Конечно, греки того времени мало уже походили на своих великих предков, народ, составляющий навсегда честь и украшение человечества; вместо древних добродетелей усиливались между ними – продажность, хитрость, вероломство, пренебрежение общественного блага, роскошь, мелочное тщеславие. Многие из этих свойств, замечаемые и в русском народе, объясняются, может быть, византийским влиянием. Через два века тяжкие обстоятельства подчинили Русь новому и весьма пагуб-

ному влиянию диких орд монгольских. Города и села лежали в пепле, жители ни на один час не могли быть уверенными в прочности и безопасности всего, чем они владели: каждый день мог прийти дикий татарин и отнять у них все, разорить все, лишить их и свободы и жизни. Народ не имел ничего, на чем мог бы остановиться, и вследствие этого, конечно, развилась в нас эта странная беспечность, это отсутствие собственного национального характера, эта недостаточность живого патриотизма, которые до сих пор заметны в народе нашем. Кроме того, много частных пороков, по замечанию Карамзина, привилось к нам от татарского ига: привыкши к долговременному рабству, мы потеряли чувство собственного достоинства, обманывая по необходимости своих властителей, приучились употреблять обман для своих выгод и во взаимных сношениях.

Но прошли лета позорного рабства. Мощно восстала Русь и начала входить в более и более близкие отношения с просвещенными иностранными державами. Два века протекло после окончательного свержения тяжкого

ига, и дивный преобразователь явился в полувосточной, полуазиатской Московии!.. Все изменилось, все приняло новый, лучший вид под его властительною рукою... И это внезапное, коренное изменение во внутреннем быте народа составляет новое затруднение для того, кто хочет взять предметом романа жизнь допетровской Руси. Мы так далеко отодвинулись от этой жизни (говоря об образованном классе общества), столько испытали чуждых влияний после того, столько приобрели новых знаний, так расширили свой круг зрения, что нам странно и неловко всматриваться в старинные нравы, столь отличные от наших, сочувствовать стремлениям, для нас совершенно чуждым, принимать суждения и взгляды на жизнь, нам решительно непонятные... Много должен автор иметь поэтического чутья и исторического такта, много разносторонних и основательных знаний, много искусства в изложении, – чтобы внушить нам полное участие к этим чуждым для нас нравам, чтобы увлечь изображением этого быта, от нас отдаленного, этих страстей, для нас непонятных...

Удивительно ли после этого, что с таким ничтожным успехом до сих пор было у нас возделываемо это неблагодарное поле!..

Говоря вообще, роман и повесть всегда привлекали к себе внимание и составляли любимое чтение русских людей. Последние исследования[2] показывают нам, что и в старинные годы, рядом с благочестивыми поучениями и житиями святых, списывались у нас и ходили по рукам романические сказания – и об индийских царях, и о походах Александра Македонского, и о рыцарских подвигах средних веков. В последней половине прошедшего столетия особенно развился вкус к произведениям этого рода, и огромная масса переводных романов, выдерживавших по нескольку изданий, свидетельствует о том, с каким усердием публика русская читала их. Чувствительные и дидактические романы м-те Жанлис и Дюкре-Дюмениля, слезные, идиллические повествования Августа Лафонтена и Коцебу, страшные приключения с подземельями, убийствами и привидениями, описываемые знаменитою Анною Радклиф, – все это поглощало всеобщее внимание, при-

ковывало к себе исключительный интерес всех читающих классов общества... Но во всем этом была только внешняя занимательность, только забава для праздного воображения, увлекавшегося вслед этих неестественно связанных, но поразительных по самой своей чрезвычайности, приключений. Верного изображения жизни, естественного развития страстей и характеров, правильного представления духа народного и отражения духа времени – тут не было, – да об этом в то время никто и не заботился. Преобразователем романа и высшим образцом его явился, с начала нынешнего столетия, в Англии, Вальтер Скотт. В 1820-х гг. он увлек всех своим примером и возвел исторический роман на ту высокую степень достоинства, которая вполне признана за ним современною критикою. В это время и у нас стали появляться переводы его романов, и, конечно, они более или менее действовали на изменение вкуса публики. Скоро явился у нас и свой собственный народный роман...

Честь создания русского романа принадлежит Нарезжному. Он уже думал о новом на-

правления в этом роде поэзии прежде, чем еще дошел до нас слух о знаменитом шотландском барде. Нарезный видел общее пристрастие к чтению романа, видел, что оно совершенно естественно и необходимо вытекает из настоящего порядка вещей, и решился обратить на пользу это обстоятельство, решился дать роману такое направление и содержание, чтобы чтение его не было пустою забавою или праздным препровождением времени, а имело другое, гораздо более дельное и важное значение. Он обратился к народному источнику и стал изображать жизнь не в идиллическом и сказочном ее интересе, но так, как она есть, с ее действительными радостями и горестями, со всем, что есть в ней высокого, пошлого и смешного... Уроженец Малороссии, он обратил особое внимание на сынов ее, наблюдал их нравы, изображал частную жизнь и мелкие домашние интересы их, разоблачал тайные разнообразные пружины действий человеческих, и все это выполнял с поразительной истиной и простою, какой ни у кого до него не было заметно. Его «Бурсак» и «Два Ивана» до сих пор не по-

теряли цены своей, и последнее произведение даже с честью выходит из сравнения с повестью Гоголя (о ссоре Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича), имеющею тот же сюжет. Романы Нарезного до сих пор не были у нас оценены по достоинству. Встретивши с самого начала холодный прием в публике, они были забыты потом, заслоненные грудой романов, более удовлетворявших вкусу общества, хотя и стоящих гораздо ниже по своему художественному достоинству. Но во всяком случае произведения Нарезного принадлежат к числу немногих отрядных явлений, назначенных украшать собою историю русской литературы. Он опередил свой век в истинном понимании значения романа, он предупредил Гоголя со всею новейшею натуральною школою – в простом безыскусственном изображении природы и русского быта. По следам Нарезного пошли и другие писатели. В 1829 г. явился «Иван Выжигин» г. Булгарина, – роман, который почему-то считают многие первым собственно русским романом. Он имел громадный успех. Вскоре после него г. Булгарин издал «Димитрия Самозванца»,

«Петра Выжигина», «Мазепу» и еще несколько романов, но успех каждого последующего произведения был менее предыдущего... В романах этого писателя заметна наблюдательность, умение составить несколько недурных очерков, но в целом они далеко не удовлетворяют современным требованиям вкуса и критики. О нем можно привести слова Марлинского (в статье о романе: «Клятва при гробе господнем»): «Не Русь, а газетную Россию изобразил он нам. Мастер в живописи подробностей, естественный в теньеровских сценах, он натянут там, где дело идет на чувства, на сильные вспышки страстей... Русских у него едва видно, и то они теряются в возгласах или впадают в карикатуру»{1}.

Непосредственно за г. Булгариным явился Загоскин с своими романами: «Юрий Милославский», «Рославлев», «Аскольдова могила» и др. Он показал более искусства в представлении характеров, более умения придать занимательность своим лицам и возбудить к ним участие, более искусства в драматических сценах, весьма часто встречающихся в его романах. Но его исторические романы

страждут анахронизмом; в них также нет общности, нет идеи, воодушевляющей все сочинение и проведенной во всех частях ее: это ряд отдельных очерков, но это не картина народной жизни, не стройное поэтическое целое, восстанавливающее перед нами целую минувшую эпоху. Самый выбор предметов обнаруживает уже как в г. Булгарине, так и в Загоскине отсутствие правильного взгляда на истинное достоинство романа. Эпохи, подобные 1612 и 1812 гг., когда все частные, личные отношения умолкали и сливались в одном, общем деле отечества, совсем неудобны для романа, который именно должен представить нам частные интересы домашней жизни и для которого поэтому гораздо лучше годятся времена междоусобий и внутренних волнений.

Эту истину хорошо понял и воспользовался ею г. Лажечников. Он представил нам в «Последнем новике» картину завоевания русскими Лифляндии и обвинил пружину действия вокруг таинственной личности новика — шпиона, вовлеченного в преступление против великого Петра, спасшегося от казни и

покаявшегося посвятить жизнь свою на служение родине и для получения прощения от царя. В «Ледяном доме» изобразил он нам борьбу русского барства с тиранством Бирона. В «Басурмане» описал судьбу человека, брошенного в чужую землю и его борьбу с противоположными, с незнакомыми для него нравами и понятиями... Оттого интерес романов Лажечникова достигает высшей степени, увеличиваемый необычайным искусством его изложения и поразительной верностью характеров; но, к сожалению, полному очарованию здесь вредит иногда двойственность интриги и слишком вольное вторжение вымысла в область истории.

Можно бы теперь еще упомянуть о Марлинском как одном из предшественников Полевого. Но он сам, говоря о Полевом, замечает между прочим о себе, что «исторические повести Марлинского, в которых он, сбросив пути книжного языка, заговорил живым русским наречием, служили только дверью в хоромы полного романа».

Примечания

Печатается по изданию Полного собрания Псочинений Н. А. Добролюбова в шести томах, Гослитиздат, М. 1934, т. 1, стр. 528–534.

Рукопись можно датировать началом 1855 г. Впервые опубликована (со значительными искажениями) под названием «О русском романе» в Полн. собр. соч. Н. А. Добролюбова под ред. М. К. Лемке, СПб. 1912, т. I, стр. 34–44.

Сноски

1

По этой части мы можем указать только на соч. Кошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» и на соч. крестьянина Посошкова.

[^^^]

2

Пыпина – статья о старинных романах, в XII № «Совр.», 1854 г.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Статья А. А. Бестужева-Марлинского о романе Н. А. Полевого «Клятва при гробе господнем», впервые опубликованная в «Московском телеграфе» в 1833 г., № 15, 16, 17 и 18; цитируется Н. А. Добролюбовым по тексту Полн. собр. соч. А. Марлинского, изд. 4-е, СПб. 1847, т. IV, ч. XI.

[^^^]

[^^^]